

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-12

Разработка серии и художественное оформление
Марии Коняевой

Забелин, Максим Юрьевич.

3-12 Ключевой / Максим Забелин. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101125-3

Захватывающая история о судьбе главного героя, который внезапно теряет единственного сына.

Однажды ребенок просто... исчез. Как и любое упоминание о нем из памяти окружающих.

Открывая свое новое «я», Иван Ключевой видит в зеркале преуспевающего журналиста, баловня судьбы и любимца женщин, у которого в жизни теперь совсем другие приоритеты. Почти без шансов на успех, он все-таки пытается вернуть то, что было ему действительно дорого.

Сможет ли Ключевой сделать выбор между тем, что было, и тем, что стало? Ответ философской мистической драмы может оказаться слишком непредсказуемым...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101125-3

© Забелин М.Ю., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Какой бы ни была информация — она начало всего. Точка отсчета. Нулевая координата.

С самого рождения мир для нас — белая пелена без времени и пространства. И постепенно в нем появляются звуки, запахи, очертания. Мир живет и развивается вместе с нами. Он растет в длину, ширину и высоту, он набирает вес, становится старше. И вот уже состоит из множества деталей, расположенных в самых причудливых комбинациях. Это наш мир. Мы видим и знаем его. Мы понимаем, как он устроен. Изучив все внутри и вокруг себя, вывернув наизнанку опыт предыдущих поколений, мы неутомимо движемся вперед, с радостным предвкушением, что вот-вот нам откроются великие знания! Мы озарены ореолом своей собственной значимости и не замечаем, как начинаем тлеть, подобравшись вплотную к источнику знаний.

Хотя кто я такой, чтобы об этом рассуждать?
Журналист? Писатель?

Идея познания всегда казалась мне безупречной. Чем больше тебе известно, тем более ты совершенен. Знания — великая сила, гармония нашего развития. Но и в ней есть изъян. Я нашел его. И это вам не победный клич типа «Эврика!». Это боль, невыносимая, страшная. Я отдал бы все, чтобы никогда не знать об этом.

Началось все обычным будничным утром. Я проснулся в полвосьмого от оклика жены. Вероника вставала на работу раньше и успевала, пока я досматривал сны про земноводных, парящих в туманности, приготовить нехитрый завтрак — тосты с инжирным вареньем и мягким сыром.

— Завтрак!

Я открыл глаза и потянулся. Сквозь задернутые шторы спальни пробивался свет встающего солнца — яркий луч словно делил меня на половины: его путь к платяному шкафу, стоящему напротив окна, пролегал прямо по моей груди. Я оттолкнулся от подушки и сел на кровати так, что теперь полоса проходила прямо по мо-

ему носу. Чуть покачиваясь вправо или влево, я подставлял яркому солнцу то один, то другой глаз. Сквозь закрытые веки казалось, что я еду на поезде в тоннеле и мимо проносятся яркие фонари.

Наконец я встал и, сделав шаг к окну, рывком распахнул шторы. Комната озарилась. Она была светлой, теплой — такой, как мы и хотели видеть нашу спальню. Большая кровать с бежевым изголовьем, пара тумбочек в тон, заваленных журналами с ее стороны и одиноким телефоном на зарядке — с моей; платяной шкаф с зеркальной дверцей, на которой свет сразу же обнаружил отпечатки моих пальцев (только я мог так неаккуратно закрывать дверцу, в то время как Вероника ее постоянно протирала!); однотонные светло-серые обои; потолок с аккуратными карнизами и дешевая «под старину» люстра, которую мы прихватили еще со съемной квартиры. Жена говорила, что она хоть и не попадает в общую концепцию авторского дизайна, но будет напоминать нам о молодости, когда у нас не было «ни кола ни двора», но была пьянящая романтика ужинов из консервных банок, с обязательной гитарой и песнями хором из нестройных голосов, который так радовал соседей в полночь, что они постоянно сигнализиро-

вали нам об этом морзянкой по трубам отопления.

Покачиваясь, я побрел на кухню, накидывая по дороге свой синий махровый халат, потому что Вероника настояла, чтобы я не бродил по квартире «голый». Она была уже одета в свою привычную униформу работника банка — черная юбка строго по колено и белая блуза. Стояла лицом к разделочному столу рядом с кухонной плитой и резала кабачок для нашей морской свинки — редкой обжоры, которая жила в просторной клетке под кухонным столом и начинала призывно пищать, едва только слышала звук ножа по доске.

Я приобнял жену сзади и чмокнул в затылок.

— Умывайся давай, и — завтракать! — сказала она, не оборачиваясь.

— Хорошо! — Я отправился в ванную, где сбросил халат, чтобы не намочить рукава, и начал чистить зубы, разглядывая в большое зеркало свое сонное лицо со следами от подушки на щеке. Намочив руки, я пригладил волосы — мыть голову не хотелось — и, подхватив халат, пошел снова на кухню. Вероника уже была за столом и допивала свой кофе, внимательно изучая что-то в планшете.

— Что пишут? — спросил я, усаживаясь рядом.

— Да опять просадка по акциям, — сказала она, не отрываясь от чтения. — Как слетал?

— Пять часов — полет нормальный! — усмехнулся я, не совсем поняв, о чем она.

Вероника была финансовым аналитиком и каждое утро начинала с потребления потоков информации. Я, конечно, по долгу службы тоже читал много новостей и кое-что слышал о падении котировок акций, банковских кризисах и тому подобной ерунде, но если для Вероники это была вся жизнь, то для меня — словно эхо проходящего поезда, уехал, и ладно. Несмотря на то что я любил свою работу в газете, всегда много и с удовольствием писал, но в последние годы вдруг обнаружил в себе невероятную тягу к природе.

Как только выдавался свободный денек, я сразу спешил за город, прокатиться на велосипеде, на лыжах, пройтись пешком. Я даже специально купил палатку, чтобы выбираться в какие-нибудь «дикие» места. Все ждал, как мы отправимся на Байкал... Но Вероника была слишком занята фитнесом, спа-центрами, магазинами, подружками и, конечно, работой. Работа по вечерам, работа по выходным, работа по праздни-

кам. Это приносило деньги, но было ли в этом удовлетворение?! Когда она приходила уставшая домой и падала на диван с одной лишь просьбой, чтобы ее оставили в покое на полчаса... Не знаю, вряд ли.

Как хорошо, что у нас был сын! Каждое утро жена отвозила его в детский сад, а я спешил с работы, чтобы забрать его у бабушки, моего отца, который жил неподалеку и страховал нас на случай, если мы задержимся.

Максим рос чудесным ребенком. Подвижный, смелый, со всегда смеющимися глазами и лукавой полуулыбкой, он до боли напоминал меня на моих детских фотографиях, а мой отец, который не чаял в нем души, говорил, что у него появился второй шанс, наконец, провести со мной детство. В моем «первом» детстве папа и по совместительству будущий дедушка Макса объездил весь Союз, а потом и весь мир в составе Государственного оркестра джазовой музыки. Его месяцами не бывало дома, и мы с сестрой играли «в папу», притворяясь, что он вдруг неожиданно приехал и его лишь надо отыскать где-то в квартире.

Играл мой отец круто, очень круто. И строки старой песни «барабан был плох, барабанщик — бог», были написаны словно о нем. Но барабан-

щик, может, и был богом, но на шестом десятке его выбила из-за установки довольно редкая болезнь — «запястье перкуссиониста», — при которой у человека почти пропадает подвижность кистей рук. И вот мой папа прочно осел на пенсии. Мама умерла несколько лет назад, не хочу вспоминать об этом. Но боюсь просто представить, что бы случилось с моим жизнерадостным отцом, если бы после ударных и жены его еще лишили и внука. Макс был для него всем миром!

В любой свободный день я тянул семью на природу. Но наш дедушка часто отказывался по причине плохого самочувствия, а Вероника со своей занятостью выбиралась так редко, что почти все выходные мы проводили вместе с сыном вдвоем. Чаще всего мы уезжали на дачу, там на участке стоял небольшой двухэтажный домик, даже не домик, а баня, где на втором этаже можно было переночевать. Рядом росли две большие липы, между которыми мы с соседом Заурбеком построили сыну «дом на дереве», где Максим и его местные деревенские друзья летом играли в «штаб». Заурбек работал на местной котельной «сутки через трое», а остальное время был вольнонаемным работником у меня. Я платил ему ежемесячное жалованье, и в обмен

мы получали постриженные газоны и шашлык летом, очищенный от снега двор и натопленную баню зимой.

Участок нам подарили родители Вероники. Они жили в Петербурге. Мой тесть был военным — в недавнем прошлом капитаном ракетного крейсера стратегического назначения, а теперь — высокое должностное лицо на ответственной работе в штабе округа. Ему и выделили участок в Подмосковье несколько лет назад. Что до моей тещи, то всю жизнь она работала театральным критиком, пишущим для высоколбой питерской богемы. Это, несомненно, наложило суровый отпечаток на ее царственное чело. Вечно поджатые губы, изогнутая бровь, сухие, всегда расправленные плечи. Не хочу сказать ничего дурного, но Инесса Эдуардовна, на мой взгляд, была воплощением ада на земле!

И хотя мы были с ней представителями одной профессии, с самого начала наши отношения как-то не заладились. Мою журналистскую практику она считала чудовищной ошибкой (равно как и факт моего присутствия в жизни любимой дочери). При встрече она не упускала случая процитировать какую-либо строчку из моих статей, причем в ее устах это звучало так, словно текст и в самом деле нацарапал умствен-

но отсталый! Но по нелепому стечению обстоятельств этот набор букв попал в типографию и вышел в тираж...

Когда изредка, на выходных, мы приезжали в «родовое гнездо» моей супруги, бабушка Инесса дарила внуку какие-то фантастические подарки типа старинного веера, который «нельзя было трогать и раскрывать», так как «это большой раритет»; или коллекции программки Эрмитажного театра за 1972 год, вручение которых сопровождалось примерно тем же текстом, что и про веер. На мой резонный вопрос, зачем ребенку то, что «нельзя трогать и раскрывать», Инесса Эдуардовна лишь еще больше поджала губы, а Вероника ткнула меня в бок...

Я хохотнул и пролил немного чая на стол.

— Что случилось? — Жена оторвалась от планшета.

— Да так...

Вероника смотрела на меня в ожидании.

— Вспомнил, как мы ездили к твоей маме в гости, — добавил я, понимая, что моей повелительнице логики нужен ответ.

— Да уж, — «согласилась» она, — было весело!

— Ну, перестань. — Я взял жену за руку. — Ты же знаешь, как я люблю твою маму.

— Вот только не надо паясничать! — вроде бы дружелюбно, но со звонким холодком в голосе фыркнула дочь своей матери. — А то я сейчас шутить начну! — сделала она ударение на слове Я.

— Извините, Вероника Сергеевна, — улыбнулся я, — больше не буду.

— Ну ладно, я поехала, — она сделала последний глоток кофе и, аккуратно стряхнув с кончиков пальцев крошки бутерброда, поднялась из-за стола.

— Помою, оставь, — махнул рукой я, видя, что она собирает на тарелку чашку и приборы. — А ты что, Макса сегодня не забираешь? Мне его отвезти?

— Кого? — удивилась она. — Куда отвезти?

— Понятно, — усмехнулся я. — Начала шутить все-таки.

— Слушай, — Вероника наклонилась ко мне и поцеловала в щеку, — я побежала. А с Максом своим ты сам разберись. — И она пошла в коридор, оправляя юбку по дороге.

— С «моим» Максом?! — крикнул я вслед. — Ну ладно, со «своим» Максом я разберусь сам. Ты хоть скажи, ко скольким его везти?!

— Не слышу, — крикнула она мне в ответ из коридора. — Все, давай, до вечера!

Хлопнула дверь, и я остался в тишине. Отхлебнув чай, я наклонился через стол и взял в руки пульт от телевизора. Уже через пару секунд панель демонстрировала мне утренние пробки в городе. О них жизнеутверждающе вещала совсем еще юная девушка, для которой этот репортаж был одним из первых в жизни. Она постоянно сбивалась от волнения и забавно косила в сторону оператора в поисках поддержки. Интересным было еще и то, что справа от нее, чуть поодаль, на парапете сидел пушистый серый котяра и снисходительно наблюдал за этими потугами своими глубокими зелеными глазами. Оператор пытался сделать «наезд», чтобы убрать животное из кадра, но хитрая зверюга встала и уверенно переместилась прямо за плечо журналистки. Пусть кот не входил в кадр весь, но нижняя часть была видна отчетливо, даже белое пятнышко на лапке.

Я улыбнулся, отхлебнул чай и вспомнил о том, как я, уже состоявшийся журналист, прекрасно, как мне казалось, владевший слогом, давал интервью приехавшим в редакцию телевизионщикам. Речь шла о 100-летию «Миллионника» — газеты, в которой я работал, и они приехали делать об этом сюжет. Я тогда попал в число «ведущих журналистов» издания, хотя